

ФОРМУЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ЧАСТНЫХ НЕМЕЦКИХ ПИСЕМ XIV–XV ВЕКОВ

Ключевые слова: эпистолярный жанр, речевой этикет, этикетная формула, обращение, приветствие, прощание, немецкий язык.

Статья посвящена проблеме формульности эпистолярного жанра в истории немецкого языка. Автор анализирует основные трактовки терминов *формула*, *клише*, *речевой штамп*, *стандарт*, *модель* и отдает предпочтение термину *формула* в широком понимании, то есть объединяющем собственно формулу и формулу-модель, допускающую вариативность наполнения при сохранении относительной устойчивости структуры. В качестве основных критериев формулы рассматриваются устойчивость и воспроизводимость, коммуникативная направленность и связь с ситуацией. При этом отмечается относительная степень устойчивости формул при изучении текстов в диахронии, так как формулы находятся лишь на пути их формирования. Исходя из тезиса о жанровой воспроизводимости эпистолярных текстов, строящихся по определенным правилам и моделям с использованием устойчивых языковых форм, предлагается анализ частного эпистолярия Германии XIV–XV веков. Наряду с традиционными этикетными формулами приветствия, просьбы, благодарности, прощания выделяются специфические формулы-модели — привлечения внимания адресата, запроса информации, просьбы писать в ответ, формулы указания даты и места написания письма. Основной ситуацией — в том числе при использовании традиционно выделяемых этикетных формул — является ситуация написания письма, которое открывается приветствием, содержит построенное по определенным правилам эпистолярного жанра обращение и завершается прощанием с заверением в верности и готовности служить, просьбой писать, указанием на место и дату написания письма. Формульный характер эпистолярного жанра выражается не только в употреблении автором письма тех или иных относительно устойчивых формул, но и на текстовом уровне, поскольку автор следует традиционной модели построения письма, определяющей его композицию и оформление отдельных частей.

L. F. BIRR-TSURKAN

St. Petersburg State University

FORMULAIC NATURE OF PRIVATE GERMAN EPISTOLARY IN THE 14th–15th CENTURIES

Keywords: epistolary genre, speech etiquette, address, etiquette formula, greeting, closure, German language.

This paper discusses the formulaic nature of epistolary texts in the history of German language. Having analyzed the main definitions of “formula”, “cliché” and “model”, the author opts for the term “formula” in a broader sense, i. e. combining a pure

formula and a model formula, the latter allowing for a variability of content. Stability, reproducibility, communicative orientation and relation to a situation are considered as principal criteria of a formula. When studying texts in diachrony, only a relative formula stability is observed due to formulas still developing. Private German letters dating from the 14th and 15th centuries are analyzed based on the thesis of genre reproducibility in epistolary texts, following certain rules, models and established linguistic forms. Along with traditional etiquette formulas for greetings, requests, gratitude, goodbyes, other specific model formulas are highlighted, e.g. attracting attention of the addressee, requesting information, asking for a response, indicating the date and place of writing. A standard letter would open with a greeting written in accordance with epistolary rules and end with a closure containing assurances of one's loyalty and willingness to serve, a request to write back, and an indication of where and when the letter was written. Formulaic nature of the epistolary genre is expressed not only through established formulae, but also on the textual level, since the author would follow a traditional model of writing a letter, which would determine its composition and content of individual parts.

1. Основные положения

В. Г. Адмони в работе 1994 года, рассуждая о разовых и воспроизводимых высказываниях, говорит о стандартизованных формах, которые можно «обнаружить в любом диалоге, притом не только бытовом. Всякая речь почти сплошь состоит из подобных формул. <...> огромная часть предложений в разовых высказываниях является формулами, употребляемыми каждодневно в бесчисленных случаях. <...> формулы спонтанной речи восходят к коммуникативному репертуару, выработанному в данном языке, являются фактом чисто языковым и упираются в конечность множества языковых средств, служащих для выражения определенных, постоянно встречающихся в языковой практике коммуникативных интенций» [1, с. 73].

С одной стороны, под «формулой» традиционно мыслятся формулы математические или химические [8, с. 538; 12, с. 844]. С другой — и именно это понимание является важным в лингвистическом контексте — под формулой имеется в виду также некое устойчивое, стандартизованное выражение [5, с. 1430]. Однако степень стандартизованности формул в лингвистическом смысле может трактоваться по-разному — от абсолютно устойчивых и неизменных (в узком понимании — и тут прообразом могут служить химические формулы, когда H_2O остается неизменной формулой воды, в противном случае это уже не вода) до моделей, допускающих подстановку составляющих (в широком понимании — по-

добно математической формуле $(a + b)(a - b) = a^2 - 2ab + b^2$, где компоненты могут меняться, но отношение остается неизменным). Так, В. Г. Адмони называет формулами и магические формы-заклинания, отмечая «их лексико-семантическую фиксацию, сохранение которой предполагалось необходимым для их действенности» [1, с. 94], а также указывает на наличие переходных форм между разовыми и воспроизводимыми высказываниями, приводя в качестве одного из примеров застольные тосты, которые обладают «тенденцией выступать в определенных, почти нормированных формах» [1, с. 74], но допускают вариации в своем наполнении.

В. Г. Адмони в упомянутой выше работе пользуется именно термином *формула*, однако в лингвистической литературе предлагается целый ряд параллельных терминов, которые зачастую пересекаются друг с другом.

Наряду с термином *формула* частотны термины *клише*, *штамп*, *стандарт*, *стереотип*. В словаре под редакцией В. Н. Ярцевой формула упоминается в контексте речевого этикета, понимаемого как «система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [11, с. 413]. Клише же трактуется в рамках речевого штампа, определяемого как «стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, „готовый к употреблению“ и потому наиболее „удобный“ знак для выражения определенного языкового содержания, имеющего экспрессивную и образную нагрузку». При этом отмечается, что термины *штамп*, *шаблон* «имеют негативно-оценочное (иногда субъективное) значение», и именно в этом «состоит отличие штампа от нейтральных понятий „стандарт“, „стереотип (клише)“, имеющих информативно-необходимый характер и относящихся к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» [11, с. 588–589].

Согласно определению В. В. Стрибижева, «клише представляют собой отдельный класс устойчивых, грамматически неоднородных, регулярно воспроизводимых блочных, т. е. представляющих собой готовые составные блоки, стандартных фразеологических единиц

в типовых речевых ситуациях, отражающих стереотипы мышления коммуникантов, позволяющих говорящему успешно достигать поставленной коммуникативной цели, а также способствующих общепонятности и информативности текстов и обладающих организующей ролью при построении диалогического пространства» [15, с. 34].

В трактовке И. К. Макеева стереотипы (штампы) являются родовым понятием, включающим в себя этикетные формулы и различные клише, в том числе прагматические, которыми, собственно, и посвящена его диссертация [13].

Ю. А. Клейнер в статье «Язык поэтической традиции в синхронии и диахронии» говорит об утвердившемся в гуманитарных науках толковании формулы «как некоторого фиксированного выражения, клише, примером чего может служить „официальная формула обращения“» [10, с. 18], ставя тем самым знак равенства между формулой в лингвистическом понимании и клише. В той же статье автор останавливается на сравнении терминов *формула* и *формульное выражение*, в основе различия которых «лежат пределы вариативности — большие в случае формульных выражений и меньшие в собственно формулах. В сущности, речь идет о противопоставлении вариативной по своему составу „группы слов“ (формульное выражение) и „группы слов“, такой вариативности не допускающей (собственно формула)» [10, с. 19]. Далее в статье анализируется термин *модель*; модели, как отмечает автор, всегда фиксированы — так же, как и формулы: «Иными словами, модели суть формулы. Словосочетания же, создаваемые на их основе, можно назвать реализациями формул, но, конечно, не формулами» [10, с. 23]. Наконец, предлагая «подходить к формуле не как к дословному повтору некоторого словосочетания, а как к модели, по которой строится сочетание», Ю. А. Клейнер предлагает термины *общая формула* или *формульное сочетание* [10, с. 43].

В том же сборнике статей Я. В. Васильков противопоставляет «застывшие формулы-клише» и «гибкие формульные модели, техника использования которых восходит к устно-поэтической традиции» [9, с. 76], а Н. А. Бондарко говорит о продуктивных моделях, приводя их основные характеристики [6, с. 332], а также анализирует термины П. Кипарского (*устойчивые формулы* и *свободные формулы*) [6, с. 310].

Ш. Штайн в работе «Формульный язык» (*Formelhafte Sprache*) развивает свою концепцию формульных единиц, которые вслед-

ствие частотности употребления становятся устойчивыми, в результате чего лексикализуются и оказываются в распоряжении носителей языка как цельные единицы, готовые для воспроизведения [24, S. 57]. В данном определении важным для исторического контекста является то, что формулы лишь находятся на пути к узуальному употреблению. Это позволяет привлекать к анализу структуры, которые на определенном этапе развития языка проявляют достаточно низкую степень устойчивости и достаточно высокую степень вариативности.

Рассмотренные выше точки зрения не исчерпывают сложную палитру терминов, используемых для обозначения устойчивых выражений, однако все они оперируют критерием **устойчивости и воспроизводимости**, будь то устойчивость и воспроизводимость абсолютная или же относительная, допускающая вариативность в наполнении модели. В данной работе предлагается широкое понимание формулы, включающее в себя модели.

Многие авторы отмечают сложность выделения формул на основании формальных критериев и выдвигают на передний план их **функциональный характер**. Для Ф. Кульмаса рутинные формулы представляют собой языковое воплощение коллективных стратегий целенаправленных действий [19, S. 68]. На важность коммуникативной функции формульных единиц обращают внимание все авторы, вне зависимости от предлагаемой терминологии: *gesprächsspezifische Formeln* ('специфические разговорные формулы') [24; 25], *kommunikative Formeln* ('коммуникативные формулы') [21]; *Routineformeln* ('рутинные формулы') [19; 22]; *знаки речевого этикета, устойчивые формулы вежливости* [7]; *знаки речевого этикета / этикетные знаки / формулы речевого этикета* [2]; *единицы речевого этикета* [14; 16; 17]; *формулы речевого этикета* [3] и так далее.

В. Г. Адмони, говоря о формулах спонтанной речи или магических формулах, подчеркивает их **«вплетенность в коммуникативную ситуацию»** [1, с. 73].

Связь с ситуацией традиционно отмечается авторами, изучающими инструментарий речевого этикета. В литературе закрепилось также деление прагматически устойчивых единиц по принципу связности с ситуацией на ситуативно связанные (*situationell gebundene Formeln*), употребление которых мотивировано определенным типом коммуникативной ситуации (именно они являются

так называемыми рутинными формулами (Routineformeln), закрепленными за определенными ситуациями интеракции, например *Grüß dich*, и ситуативно не связанные (situationsunabhängige Formeln), употребление которых мотивировано определенной коммуникативной задачей (так называемые специфические разговорные формулы (gesprächsspezifische Formeln), предназначенные для управления ходом коммуникации, например *ich meine*). Первые выступают самостоятельно, являются монофункциональными, как правило, не могут многократно использоваться друг за другом и способны образовывать формульные пары или секвенции, а вторые несамостоятельны, то есть используются лишь как часть высказывания, мультифункциональны, допускают повторное употребление и не образуют формульных пар [24, S. 50].

Подобно тому как В. Г. Адмони говорит о жанровой воспроизводимости застольных тостов, для которых характерно «стремление к тому, чтобы зачин тоста и его концовка были семантически крайне удалены друг от друга», и в то же время в них «существует и ряд языковых форм, повторяющихся во многих тостах» [1, с. 74], с нашей точки зрения, можно говорить и о жанровой воспроизводимости эпистолярных **текстов, строящихся по определенным моделям с использованием устойчивых языковых форм** — формул в узком и широком понимании (то есть формульных выражений).

Ш. Штайн также говорит о связности формул с определенным типом текста: *textsortengebundene (formelhafte Text(teil)e*) (‘связанные с типом текста (формульные тексты / части текста)’) vs. *textsortenungebundene (Textsteuerungs- und Textgliederungssignale, z. B. Anredeformeln)* (‘не связанные с типом текста (сигналы управления текстом и членения текста, например формулы обращения)’) — и обращает внимание на то, что признаки частотности, устойчивости и воспроизводимости распространяются не только на отдельные лексемы и комбинации лексем, но и на фрагменты текста и целые тексты [24, S. 55, 58].

Той же точки зрения придерживается Д. Херубим, который изучает процессы языковой формализации на макроуровне типа текста XVI века — характеристики поведения (Leumundszeugnis), выделяя при этом в ее структуре такие части, как адресация/объявление (Adressierung/Bekanntgabe), представление положения дел (Sachverhaltsdarstellung), решение (Entscheidung), правила арбитража (Schlichtungsregelung) и сертификация (Beurkundung), и отме-

чая, что основная задача этих частей заключается не в сообщении определенного факта, а в сигнализировании и обеспечении институциональной связанности данного типа текста [18].

Коммуниканты, участвующие в производстве и восприятии текста, обладают определенным знанием конвенционально закрепленных за этим типом текста правил оформления, которые помогают им в процессе кодирования и декодирования содержащейся в тексте информации. Конвенциональные формулировки формируют определенный тип текста. В этом проявляется формульность на текстовом уровне.

Наиболее приемлемым для исторического контекста представляется определение Н. А. Филаткиной, которая рассматривает формульные выражения в широком смысле — как однословные выражения, типологически гетерогенные комбинации нескольких компонентов, целые предложения и/или тексты, обладающие свойством целостности, находящиеся на различных (в том числе незавершенных) стадиях формальной, семантической и функциональной конвенционализации, основанные на договоренностях, действующих в данном обществе, культурный, коммуникативный опыт которого они передают, отличающиеся ярко выраженным функциональным характером в процессе коммуникации или построения текста [20, S. 164].

2. Формульный характер немецкого эпистолярия XIV–XV веков

В основу настоящей статьи легли образцы частной переписки в Германии XIV–XV веков, а именно 100 писем из первого тома и 60 писем из второго тома издания, подготовленного Г. Штайнхаузенем [I; II].

В истории эпистолярного жанра важную роль играли письмовники (Briefsteller), существовавшие в Европе с раннего Средневековья, отражавшие этикетные нормы частных, служебных и деловых писем в традициях этнокультурного и сословного декорума, образцы, своего рода шаблоны, которым следовали при написании писем. Согласно этим правилам, письмо включало в себя зачин (salutatio), основную часть (narratio) и концовку (conclusio).

Частью так называемого salutatio является **обращение**. В частной переписке XIV–XV веков прослеживаются определенные за-

кономерности в использовании эпитетов в обращениях, апеллятивная функция которых в эпистолярном жанре отходит на второй план, уступая место экспрессивной функции, отражающей отношения между адресатом и адресантом [4]. При этом начальное обращение содержит большее количество эпитетов, чем те варианты обращений, которые используются в основной части письма, например:

*Hochgeborner furst, herzenlieber vetter*¹ (далее в письме просто *herzenlieber vetter*) [I, S. 34–35, 36];

Hochgeborner furst, lieber swager (далее в письме просто *lieber swager*) [I, S. 35].

Если же сравнить начальное обращение с указанием адресата в адресе письма, то здесь адресация отличается еще большим количеством эпитетов, например:

Hochgeborner fürst, lieber sweher.

[адрес:] *Dem hochgebornen fürsten, unserm lieben sweher, herzog Ernsten, phallenzgraven bey Rein und herzogen in Beirn* [I, S. 26].

Формульный характер обращения проявляется в строго регламентированном употреблении эпитетов: *hochgeborner, durchluchtiger* употребляются при указании титула (*furste*); *genedig* — перед обращением *herre/fraw*; *lieber, herzelieber, herzenallerliebste* — перед обращениями *herre/fraw* или перед обозначением степени родства:

Hochgeborner fürst und lieber öheim [I, S. 18–19];

Durchluchtiger und hochgeborner fürste und fürstynne, herzelieben herren und vater und fraüwe und müter [I, S. 31];

Genädiger, lieber herr [II, S. 27].

Кроме обращения *salutatio* включает в себя **приветственную формулу**, которая может представлять собой собственно формулу-приветствие и/или формулу-заверение в готовности служить, причем, как правило, приветственная формула предшествует обращению и в большинстве своем содержит наречие *zuvor, bevor* или *voran*:

Kyntliche libe mid fruntlichem grüße unde waz wyr libez, eren unde gutis vormogen, zûvor [I, S. 19];

¹ Особенности орфографии в примерах сохраняются в соответствии с источником.

Unsen früntlichen gruß unde waz wir alziit liebiz, eren unde gudis vir-mogen, bevor [I, S. 20].

В отдельных случаях приветственная формула стоит после обращения, но все равно может содержать слова *zuvor*, *bevor* или *voran*, которые, вероятно, относятся ко всему письму, а не только к обращению:

Hochgeborner fürst, lieber sweher. Unsern freuntleichen dienst bevor [I, S. 26].

Имеющийся материал позволил выделить следующие варианты модели:

- *Meinen/unseren freundlichen Gruß* (Аkkuzativ);
- *Alles Gute* (Аkkuzativ);
- *Was ich/wir Liebes und Gutes vermag/vermögen*;
- *Meinen/unseren freundlichen/willigen/untertänigen Dienst* (Аkkuzativ) *bevor/zuvor/voran*.

Вариант модели с *zuvor/bevor/voran* является наиболее распространенным. Но вместо этих наречий формулы могут содержать и причастие *vorgescrieben*:

Mynen vrüntlychge groys inde mine werende goynst aen ende us gronde minz herzen vürgeschryven [I, S. 7].

В результате можно выделить варианты модели:

- *Meinen/unseren freundlichen/lieblichen Gruß* (Аkkuzativ);
- *Was wir vermögen*;
- *Meine ewige Gunst* (Аkkuzativ) *vorgescrieben*.

В отдельных случаях указанные выше модели употреблены без наречий *zuvor/bevor/voran* или причастия *vorgescrieben*, причем в остальном наполнении они ничем не отличаются от формул с наречием или причастием, это те же заверения в готовности служить адресату верой и правдой:

Mynen vruntliken denst [II, S. 22];

Mein willig, untertänig dienst. Genädiger, lieber herr [II, S. 30].

Наконец, встречается более развернутая формула: *Mein/unser Dienst* (Nominativ) *sei eurem Gnaden* (Dativ) *allzeit bereit*:

Erwirdiger in gott, genadiger, lieber herr. Mein willig dienst sein eur genaden alzeit bereit [II, S. 29].

В самом тексте письма встречаются **формулы-просьбы** (*ich/wir bitte(n) euch/eur lieb (freundlich)*) и **формулы-благодарности** (*ich danke euch/dir sehr/freundlich/treulich Genitiv / um Akkuzativ / dass...; (ich fange dir) großen Dank*):

Mein wirdiger herre und mein allerlibster vater, ich pit euch, daz... [I, S. 3];

Ouch so hain ich... so dancken dir alze sere... [I, S. 4];

Min herzenallerliebstes lieb, ich dancken dir zemaal fruntlichen umb din groß zücht und ere, so du mir bewisen hast [II, S. 61].

Кроме этих собственно этикетных формул в письмах встречаются также — по Ш. Штайну — **ситуативно не связанные формулы**, которые служат для управления коммуникацией, а именно **для привлечения внимания адресата**, — построенные вокруг формы императива (Imperativ) глаголов *wissen* и *hören* или конструкции *ich/wir lasse(n)/tu(n) euch/eur lieb wissen*:

Wisse, leywe füstergin, also also dû gerne wistes, we it mir ginghe <...>

Ouch wisse, leywe füstergin, dat... <...> Ouch wisse, lywen füstergein, dat...

<...> Nu wisse, dat... Vort wisse, herzeleywe füstergin, dat... [I, S. 4–5];

...lassen wir eu wissen, daz... [I, S. 18];

Wir thun uwir fruntlichen liebe wissen, daz... [I, S. 20];

Hoert, lieve suster... [I, S. 12].

Зеркальными по отношению к ним являются **формулы запроса информации** от адресата *ich wüsste gern* и *lass/lasst mich wissen*:

Ich west auch geren, wanne... <...> Ich west auch geren, ob... [I, S. 4];

Auch laz unz eur lieb wissen, wie... [I, S. 35].

Концовка письма также отличается высокой степенью конвенциональности. В. Паравичини сравнивает концовку письма (Conclusio) и начало письма (Salutatio) с риторической скобкой, рамкой письма (Klammer) и отмечает при этом, что концовка письма усиливает, заостряет и выделяет основное за счет употребления одной из устойчивых завершающих формул [23, S. 312].

Большинство писем содержат **формулу-благословение**, построенную по модели: *Gott bewahre euch/muss/will euch bewahren + allerzeit/in langen zeiten/allerwege + fröhlich/gesund/sehlich*:

Lieve nichte, unse her god bewair u altiit! [I, S. 11];
Unse her von hemelrich muess uch, lieve bruoder, alwege bewaren! [I, S. 20].

Формула-прощание может вводиться наречием *damit* (подобно русскому *за сим*):

Darmit geb euch got, mein herzenlieber vetter, waz euch lieb sy, und eur liebe gemahel [I, S. 35];
Damit befilch ich uch got. mich in uwer andacht [II, S. 60].

Conclusio часто содержит **формулы — просьбы передать приветы** третьим лицам: *Grüße mir* + Akkuzativ лица:

Leyve füestergin, grüesse mir vrauwe Heydrut... [I, S. 5].

Просьба писать также является характерной для эпистолярия и, как показывает наш материал, достаточно стандартизированной:

Leyve moyne, schryft mir weder [I, S. 7];
Herzeleyve fuestergin, schryf mir weder [I, S. 9].

Наконец, conclusio включает в себя непосредственно перед подписью автора письма **формулу, указывающую на место и дату написания письма**: *(ge)geben zu Ort an/auf Tag*:

Geben zu Oppenheim uff Mittwoch nach sant Johans tag decottacionis anno x 46to / Hesse, grave zu Lyningen [I, S. 46].

3. Выводы и перспективы исследования

Таким образом, письмо включает не только этикетные формулы (приветствия, просьбы, благодарности, прощания), но и специфические формулы, характерные только для эпистолярного жанра (привлечения внимания адресата, запроса информации, просьбы писать в ответ, указания даты и места написания письма).

Уровень текста является наиболее существенным для формульного характера эпистолярного жанра. Конечно, письмо традиционно начинается с приветствия, а заканчивается прощанием, в основной части письма могут встречаться выражения просьбы, извинения или благодарности, однако это не те же ситуации, которые имеют место в соответствующих интеракциях приветствия, извинения, прощания и так далее. Основной ситуацией в этом

контексте является написание письма, которое начинается с приветствия, заканчивается прощанием, а по ходу письма автор должен поддерживать внимание адресата и в зависимости от своих задач обращается с просьбами, выражает благодарность и так далее. Кроме того, формульный характер эпистолярного жанра выражается не только в употреблении автором письма тех или иных формул, но и на текстовом уровне, так как автор следует традиционной модели построения письма, определяющей его композицию и оформление отдельных частей.

Несмотря на широкий хронологический охват исследованных писем (с начала XIV до середины XV века), сделать выводы об особенностях формульного характера эпистолярия в диахронии не удалось. Перспективы дальнейшего исследования видятся в изучении динамики формирования специфики эпистолярия, а также специфики оформления писем представителями различных слоев населения (князьями, рыцарями, представителями духовенства, горожанами).

Источники иллюстративного материала

I. Deutsche Privatbriefe des Mittelalters: in 2 Bdn. / mit Unterstützung der K.Preußischen Akademie der Wissenschaften; hrsg. von G.Steinhausen. Bd. 1: Fürsten und Magnaten, Edle und Ritter. Berlin: R. Gärtners Verlagsbuchhandlung, 1899. 454 S.

II. Deutsche Privatbriefe des Mittelalters: in 2 Bdn. / mit Unterstützung der K.Preußischen Akademie der Wissenschaften; hrsg. von G.Steinhausen. Bd. 2: Geistliche, Bürger. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1907. 215 S.

Литература

1. Адмони В.Г. Система форм речевого высказывания. СПб.: Наука, 1994. 151 с.

2. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: дис. ... д-ра филол. наук / Воронеж. гос. ун-т. Новокузнецк, 2002. 345 с.

3. Бирр-Цуркан Л. Ф. Единицы речевого этикета и их функционирование в средневерхненемецком языке: ... дис. ... канд. филол. наук / С.-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2007. 224 с.

4. Бирр-Цуркан Л. Ф. Обращение как организующий элемент в эпистолярном дискурсе // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государ-

ственном университете. Вып. 7: Дискурсивные аспекты языковых феноменов. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2018. С. 115–131.

5. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2006. 1536 с.

6. *Бондарко Н. А.* Продуктивные модели в языке немецкой средневековой мистической традиции и проблема их структурного описания // Поэтика традиции: сб. науч. статей / под ред. Я. В. Василькова, М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 289–333.

7. *Гольдин В. Е.* Этикет и речь. 3-е изд., доп. М.: Либроком, 2009. 109 с.

8. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. М.: ГИС, 1955. 684 с.

9. *Васильков Я. В.* Индоевропейские поэтические формулы и древнейшая концепция героизма в «Махабхарате» // Поэтика традиции: сб. науч. статей / под ред. Я. В. Василькова, М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 68–91.

10. *Клейнер Ю. А.* Язык поэтической традиции в синхронии и диахронии // Поэтика традиции: сб. науч. статей / под ред. Я. В. Василькова, М. Л. Кисилиера. СПб.: Европейский дом, 2010. С. 18–44.

11. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. 2-е изд., доп. М.: Большая рос. энциклопедия, 2002. 709 с.

12. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: А Темп, 2009. 944 с.

13. *Макеев И. К.* Коммуникативные и когнитивные характеристики прагматических клише: дис. ... канд. филол. наук / Тамбов. гос. ун-т. Тамбов, 2004. 134 с.

14. *Соколова Н. Л.* Английский речевой этикет. М.: Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. 92 с.

15. *Стрибижев В. В.* Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция: дис. ... канд. филол. наук / Волгоград. гос. пед. ун-т. Белгород, 2005. 178 с.

16. *Формановская Н. И.* Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. 3-е изд. М.: URSS; КомКнига, 2006. 156 с.

17. *Формановская Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: Икар, 2007. 478 с.

18. *Cherubim D.* Rituell formalisierte Syntax in Texten des 16. und 19. Jahrhunderts // Neuere Forschungen zur historischen Syntax des Deutschen: Referate der Internationalen Fachkonferenz Eichstätt 1989 / hrsg. von A. Betten. Tübingen: Max Niemeyer, 1990. S. 269–285.

19. *Coulmas F.* Routine im Gespräch: Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik. Wiesbaden: Athenaion, 1981. 262 S.

20. *Filatkina N.* Historische formelhafte Sprache: Theoretische Grundlagen und methodische Herausforderungen. Berlin: Walter de Gruyter, 2018. 433 S.

21. Fleischer W. Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. 2., durchges. und ergänzte Aufl. Tübingen: Niemeyer, 1997. 308 S.
22. Gülich E. Routineformeln und Formulierungsroutinen: Ein Beitrag zur Beschreibung ‚formelhafter Texte‘ // Wortbildung und Phraseologie: Studien zur Deutschen Sprache. Bd. 9 / hrsg. von R. Wimmer, F.-J. Berens. Tübingen: Gunter Narr, 1997. S. 130–175.
23. Paravicini W. Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich: Hof und Schrift, Residenzenforschung. Bd. 15, Teil 3. Ostfildern: Thorbecke, 2007. 704 S.
24. Stein S. Formelhafte Sprache: Untersuchungen zu ihren pragmatischen und kognitiven Funktionen im gegenwärtigen Deutsch. Frankfurt a/M.: Peter Lang, 1995. 375 S.
25. Stein S. Formelhaftigkeit und Routinen in mündlicher Kommunikation // Wortverbindungen — mehr oder weniger fest: Jahrbuch des Instituts für Deutsche Sprache 2003 / hrsg. von K. Steyer. Berlin; New York: Walter De Gruyter, 2004. S. 262–288.

References

1. Admoni V. G. *Speech Form System*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994, 153 p. (In Russian)
2. Balakai A. G. *Russian Etiquette and Principles of His Lexicographical Description: Diss. of Cand. of the Philology*, Voronezh State University. Novokuznetsk, 2002, 345 p. (In Russian)
3. Birr-Tsurkan L. F. *Speaking Etiquette Units and Function of Them in Middle High German: Diss. of Cand. of the Philology*, St. Petersburg State University. St. Petersburg, 2007, 224 p. (In Russian)
4. Birr-Tsurkan L. F. Address as an Organising Element in Epistolary Discourse. *Nemetskaia filologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete*, issue 7: Diskursivnye aspekty iazykovykh fenomenov. St. Petersburg, Isd-vo S.-Peterb. un-ta Publ., 2018, pp. 115–131. (In Russian)
5. *Great Explanatory Dictionary of Russian Language*, ed. by S. A. Kuznetsov. St. Petersburg, Norint Publ., 2006, 1536 p.
6. Bondarko N. A. Productive Models in the Language of German Medieval Mystical Tradition and the Problem of Their Structural Description. *Poetika traditsii: sb. nauch. statei*, ed. by Ia. V. Vasil'kov, M. L. Kisilier. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2010, pp. 289–333. (In Russian)
7. Gol'din V. E. *Etiquette and Speech*, 3rd ed., suppl. Moscow, Librokom Publ., 2009, 109 p. (In Russian)
8. Dal' V. I. *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*, in 4 vols., vol. 4. Moscow, GIS Publ., 1955, 684 p.
9. Vasil'kov I. V. Indo-European Poetic Formulas and the Oldest Concept of Heroism in the Mahabharata. *Poetika traditsii: sb. nauch. statei*, ed. by

- Ia. V. Vasil'kov, M. L. Kisilier. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2010, pp. 68–91. (In Russian)
10. Kleiner Iu. A. The Language of Poetic Tradition in Synchrony and Diachrony. *Poetika traditsii: sb. nauch. statei*, ed. by Ia. V. Vasil'kov, M. L. Kisilier. St. Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 2010, pp. 18–44. (In Russian)
11. *Linguistic Encyclopedic Dictionary*, ed. by V. N. Iartseva, 2nd ed., suppl. Moscow, Bol'shaia ros. entsiklopediia Publ., 2002, 709 c.
12. Ozegov S. I., Shvedova N. Iu. *Explanatory Dictionary of Russian Language*. Moscow, A Temp Publ., 2009, 944 p.
13. Makeev I. K. *Communicative and Cognitive Characteristics of Pragmatic Cliches: Diss. of Cand. of the Philology*, Tambov State University. Tambov, 2004, 134 p. (In Russian)
14. Sokolova N. L. *English Speech Etiquette*. Moscow, Izd-vo Un-ta druzhby narodov Publ., 1991, 92 p. (In Russian)
15. Stribizhev V. V. *Speech Cliches in Modern English: A Metacommunicative Function: Diss. of Cand. of the Philology*, Volgograd State Pedagogical University. Belgorod, 2005, 178 p. (In Russian)
16. Formanovskaia N. I. *Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects*. 3rd ed. Moscow, URSS Publ.; KomKniga Publ., 2006, 156 p. (In Russian)
17. Formanovskaia N. I. *Speech Interaction: Communication and Pragmatics*. Moscow, Ikar Publ., 2007, 478 p. (In Russian)
18. Cherubim D. Rituell formalisierte Syntax in Texten des 16. und 19. Jahrhunderts. *Neuere Forschungen zur historischen Syntax des Deutschen: Referate der Internationalen Fachkonferenz Eichstätt 1989*, ed. by A. Betten. Tübingen, Max Niemeyer, 1990, pp. 269–285.
19. Coulmas F. *Routine im Gespräch: Zur pragmatischen Fundierung der Idiomatik*. Wiesbaden, Athenaion, 1981, 262 p.
20. Filatkina N. *Historische formelhafte Sprache: Theoretische Grundlagen und methodische Herausforderungen*. Berlin, Walter de Gruyter, 2018, 433 p.
21. Fleischer W. *Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache*, 2nd ed., rev. and suppl. Tübingen, Niemeyer, 1997, 308 p.
22. Gülich E. Routineformeln und Formulierungsroutinen: Ein Beitrag zur Beschreibung ‚formelhafter Texte‘. *Wortbildung und Phraseologie: Studien zur Deutschen Sprache*, vol. 9, ed. by R. Wimmer, F.-J. Berens. Tübingen, Gunter Narr, 1997, pp. 130–175.
23. Paravicini W. *Höfe und Residenzen im spätmittelalterlichen Reich: Hof und Schrift, Residenzenforschung*, vol. 15, part 3. Ostfildern, Thorbecke, 2007, 704 p.
24. Stein S. *Formelhafte Sprache: Untersuchungen zu ihren pragmatischen und kognitiven Funktionen im gegenwärtigen Deutsch*. Frankfurt a/M., Peter Lang, 1995, 375 p.

25. Stein S. *Formelhaftigkeit und Routinen in mündlicher Kommunikation. Wortverbindungen — mehr oder weniger fest: Jahrbuch des Instituts für Deutsche Sprache 2003*, ed. by K. Steyer. Berlin; New York, Walter De Gruyter, 2004, pp. 262–288.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна

доцент кафедры немецкой филологии СПбГУ, кандидат филологических наук
Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9.

Lilia F. Birr-Tsurkan

Associate Professor of German Philology Department, St. Petersburg State University,
Candidate of Philological Sciences
Address: 7–9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: l.birr-tsurkan@spbu.ru

SPIN-код: 6976-6682; AuthorID: 689231; ResearcherID: C-3269-2016